

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЛЮДИ ИСКУССТВА

У ЛУКОМОРЬЯ...

А. СИДОРОВ,

член-корреспондент Академии наук СССР

В нынешний праздничный для женщин всего мира год — Международный год женщины — мне особенно приятно говорить со страниц газеты о замечательной нашей художнице Татьяне Алексеевне Мавриной. Это чудесный и на редкость самобытный, истинно русский в своем искусстве мастер. И одновременно какой новатор! Татьяна Алексеевна Маврина принадлежит к числу тех новаторов, кто находит живой, постоянно радующий источник новизны в родном — в родной национальной поэзии, в стихии русских красок, русских образов, русской красоты.

О Мавриной говорить и писать одновременно радостно и трудно. Она прекрасный живописец, изобразительница старинных наших городов и цветочных букетов, которые не хочется называть натюрмортами (ведь французское «морт» — «мертвый» по-русски), а они такие живые у нее в живописи, в природной своей красоте! А прежде всего Маврина — «книжница». Не просто иллюстратор, нет, а созиателей собственных красочных сказок, по-своему, по-новому, и каждый раз живо, радостно передающий народную мудрость и бессмертные сказки-поэмы Пушкина. Стала популярной ее «Сказочная азбука», где каждая русская буква увязана художницей с именами тех или иных героев народного творческого веселья. Татьяна Алексеевна посвятила целую книжку-альбом бесмертному пушкинскому «Лукоморью», откликнулась яркоцветной картинкой-стражничкой иллюстраций на каждую строчку пушкинского введения к «Руслану», где великий поэт сумел слить воедино все чудеса народной сказочности. Истинный шедевр Мавриной — ее последнее крупноформатное издание «Сказок Пушкина». Отправляясь от слов поэта — «Кот ученый свои мне сказки говорил», в преддверии каждой извечно юной пушкинской сказки Маврина помещает большое изображение «Кота ученого», и эти ее рисунки — донельзя забавные, великолепно верные духу и букве сказки, восходящие к народному лубку. Каждый раз этот «Кот-ученый» — рассказчик и о царе Салтане, и о Слящем царевне, и каждый раз мавринский Кот — то желтый, то синий, то зеленый или фиолетовый, и забавный, занятный — убеждает веселой игрой вполне оправданных сказочных приемов. Таких художественных находок у Мавриной множество.

О ее творчестве имеются и серьезные монографии и статьи, ее любят и знают учены-фольклористы и просто жители небольших городов, в коих художница себя чувствует дома. С книжками Мавриной можно играть детям и разыгрывать над ними взрослым. Другой такой художницы детской книги у нас не было и нет. Русская графика росла на традициях четкой линейной рисуночности. А Маврина — живописец, «красочница», и она совсем непохожа ни на кого из многих художников, занимавшихся сказкой. Ведь есть нечто «свысока» или «со стороны» в тех приемах трактовки сказок или былин, которыми пользовался даже такой неоспоримо первоклассный мастер, как Билибин. Маврина просто и легко, как родная дочь, вошла в мир русской народной художественности. Она сама — сказительница народной поэ-

зии. В этом мире все: и пестрые узоры тканей, и резьба по дереву, и словно бы затейливые росписи мастеров, которых мы вслед за народом называем умельцами. И быт. Маврина знает, любит, ценит, включает в свой художественный мир самые разные предметы старого деревенского, уходящего ныне в музеи жития-бытия: резные сиденья, убранство полов или фасадов домов севера России, и посуду, и игрушку, и любое изображение человека или зверя на старииной прялке, на лубочной картинке.

О зверях, зверушках или животных в изобразительном мире Мавриной можно, право же, говорить бесконечно, как о том же пушкинском Коте в ее изображении. Это было бы забавно и поучительно, ибо Маврина знает, словно всю жизнь только с ними и имеет дело, и фантастических птиц Сирина, Алконоста, Гамаюна, и рыболовных русалок, и волков, львов, и, наконец, всю эту фантастическую «фауну», украшавшую некогда стены соборов Владимира, и вновь, и вновь — наличники окон, мебель, металлическую обивку сундуков старой Руси. И как они живут у нее своей сказочной жизнью! Чего стоит один ее «бурый волк», который «верно служит» пленной царевне в «Лукоморье» и несет ей в зубах ключ от темницы. Пушкин бы обрадовался: его сказка-игра в стихотворных строках стала сказкой-игрой в рисунке.

Но сказка сказкой, а дело в том, что к творчеству Мавриной в целом, как художника, живописца, сумевшего понять и показать глубинные основы народной национальной поэзии, как мастера-акварелиста и особенно мастера искусства книги, надо подходить, не просто радуясь игре ее изданий для детей и для «недетей», а как к большому и очень своеобразному явлению, как к правильно поставленному перед нами современному соединению национального и народного начал искусств. И говорить надо о редкостном богатстве этой творческой души, этого духовного мира — широкого, простого и ясного, потому что этот ее внутренний мир художницы — наша Родина.

Нет ничего менее привлекательного, нежели подделка под старину или псевдорусский стиль, праведно забытого нами декаданса. Да, мы научились видеть художников живых — и мудрого Рериха, и проницательного Билибина. Но Маврина идет совсем другим путем, без какого-либо подражательства, стилизаторства или любования со стороны тем, что называли некогда «неопримитивизмом». Она сразу вошла в народное искусство деревенской и, как говорили раньше, провинциальной, «ярмарочной» России — «ремесленной», «рукодельной», так хочется сказать, и, подчеркнем, пусть это слово будет необычным: России художественной. Нашла там в быту и в бытовании сказку и

песню, поговорку и острословие, и наивную раскрытость, и мудрость, и неоспоримо новую красоту. Она передает ее нам прямо, умно и непосредственно, не подыгрывая ни под эстетику стилизаторства, ни под вкус коллекционерского мещанства и покровительства. Любоваться «красотой игры» умели и раньше. Маврина же в книжках своих сама умеет играть образами глиняных коней или строениями из пряников, как умеет играть народная фантазия. Замечательна естественность этой игры. Повторяю: она сама сочинительница сказок. Когда взрослый художник (порой это бывает модно) прямо подражает детскому рисунку, получается эстетическая неловкость. А Маврина сама встала в ряд умельцев, которые мастерят деревянные изделия или игрушки из глины, раскрашивают их радостно-условно, не выдавая игрушку за реальное подобие живого существа и вместе с тем поэзией своей никак не отрываются от реальности.

Так поступали и замечательные мастера русской лубочной картинки. Лубок в старой русской художественной культуре был совсем особым миром, в котором сатира, сознательный гротеск соседствовали с добродушем, повествовательной назидательностью и явно искроместной декоративностью. Все это в графике Мавриной налицо. И только ли графикой являются все ее композиции на темы Пушкина или народных сказок? Живописное начало безбоязненно яркого цвета играет в них главную роль. Это придает всем книгам Мавриной истинно мавринское обличье, и все равно, какой искусствоведческий термин использовать для их характеристики — называть их «живописной графикой» или «графической живописью».

Если же спросить себя в конце этой никак не исчерпывающей все богатство творчества Мавриной попытки характеризовать лучше и наиболее для нее характерное: в чем общее начало, объединяющее ее живопись, ее книги, все ее увлечения и весь смысл ее трудов, то, пожалуй, надо будет сказать о подлинном чувстве Родины, о патриотизме художницы. Свою страну Маврина принимает и любит, и показывает без вычурности, на речитой нарядности или на зойливого подчеркивания каких-либо внешних черт. В любви Мавриной к ее Родине, ее России совсем нет внешнего пафоса, это то чувство Родины, которое внешне незримо, но всепроникающее живет в народной песне, в народном ощущении самостоятельности на родной земле. И всегда оптимизм, радость, жизнь: живое, нужное людям искусство!

За все это — за ее мудрость и душевность, за ее красоту и ее любовь — похвалы наш замечательный русской художнице Татьяне Алексеевне Мавриной.

• Татьяна Алексеевна Маврина.